

Тело: с позиции теории социальных представлений

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Мельникова Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Лаврешкин Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Будыкин С.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

В фокусе нашего внимания в настоящей работе находится обсуждение тела как объекта исследования в теории социальных представлений, что и определяет цель теоретико-аналитического исследования. Тело — это комплексный и полиморфный объект, находящийся на пересечении целого ряда разнообразных измерений. Беглый взгляд на историю тела в XX веке позволяет выявить ряд ключевых событий, которые определили публичный дискурс и социальные практики в отношении тела. Анализ результатов эмпирических исследований, реализованных в рамках теории социальных представлений, позволяет сделать достаточно парадоксальный вывод: с одной стороны, в рамках этой теории постулируется привилегированность темы тела, обсуждается специфичность тела как объекта представлений. С другой стороны, исследований, посвященных изучению социальных представлений о теле, оказывается сравнительно мало, при этом ключевыми элементами, вокруг которых кристаллизуются эти представления, оказываются такие элементы, как здоровье и красота. В работе обсуждается нормативный характер социальных представлений о теле, намечаются линии дальнейшего анализа представлений о теле с учетом феномена «скрытой зоны».

*Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бudyкин С.В.*
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

*Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Budykin S.V.*
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

Ключевые слова: тело, теория социальных представлений, объект социальных пред-
ставлений, публичный дискурс, красота, здоровье.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского науч-
ного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00661.

Для цитаты: *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Бudyкин С.В.* Тело: с позиции теории социальных представлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206. DOI:10.17759/psylaw.2023130114

Body: Social-Representational Regard

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Darya V. Melnikova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Nikita V. Lavreshkin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinv@gmail.com

Sergey V. Budykin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

Our focus in this paper is the discussion of the body as an object of research in the theory of social representations, which determines the aim of the theoretical and analytical study. The body is an inherently complex and polymorphous object that lies at the intersection of a number of diverse dimensions (biological-social; body-mind; individual-social etc.). The proposed analysis of empirical facts concerning the social representations of the body obtained within the framework of social representation theory gives us grounds to draw a rather paradoxical conclusion: the social representation theory postulates importance of the body as an object of social representations, privileges this topic for the theory of social representations, specificity of the body as an object of social representations. On the other hand, there are relatively few studies devoted to the study of social perceptions of the body, with such elements as health and beauty turning out to be the key elements around which they crystallize. The paper outlines the lines of further analysis of social perceptions, taking into account the phenomenon of the “mute zone” of social representations.

Keywords: body, theory of social representations, object of social representations, public discourse, beauty, health.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

Funding. The reported study was funded by Russian Scientific Foundation (RSF), project number 22-28-00661.

For citation: Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Budykin S.V. Body: Social-Representational Regard. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206. DOI:10.17759/psylaw.2023130114 (In Russ.).

Некоторые события из истории тела

Тело — это комплексный и полиморфный объект, находящийся на пересечении ряда измерений: тело—душа; плоть—дух; здоровье—болезнь; природное—социальное—культурное; индивидуальное—социальное; мужское—женское; частное—публичное; нормальное—анормальное; видимое—невидимое; приличное—неприличное; реальное—виртуальное; этическое—политическое—биомедицинское и др.

Указанные выше оппозиции иллюстрируют многообразие измерений при обсуждении тела, но дискурс не ограничен ими, включает и другие, такие как: сексуальность, табу, мода, материнство, красота, пластическая и эстетическая хирургия, донорство и трансплантация органов, искусственное оплодотворение, суррогатное материнство, социальные нормы, социальный контроль, власть, статус, идеология и т. д. Тематика телесности попадает в фокус политического дискурса, что связывается с возникновением и распространением феминистских идей («Наше тело принадлежит нам!»), декларирующих телесную автономию в 70-е гг. XX века. Примечательно, что в ситуации пандемии Covid-19 противники вакцинации апеллируют к той же идее автономии тела, используя слоган «Мое тело — мой выбор!» [44].

Тело оказывается в центре интереса ряда социогуманитарных наук: философии, истории, филологии, культурологии, культурной антропологии, социологии и психологии [8; 9].

Исторический анализ Ж.Ле Гроффа и Н. Трюона [12] свидетельствует о том, что в средние века с телом происходило не так много событий (монастырская диета, эпидемии чумы, возникновение моды), как в XX в. Одной из важных линий отношения к телу в средние века можно считать так называемое «отречение от плоти», обесценивание тела, которое в значительной степени определило развитие европейской культуры. При этом это обесценивание восходит к языческой культуре [12]. Самым важным по количеству и разнообразию событий, которые произошли с телом, оказался XX в. [9; 12]. Если попытаться обозначить контур ключевых событий в XX в., с опорой на анализ, предложенный Ж.-Ж. Куртином, выходит, что [10, с. 7—8]: «...никогда еще организм не был настолько подвластен технологиям медицинской визуализации, никогда еще интимная, половая сторона тела не получала столь пристального внимания, никогда еще наша визуальная культура не знала эквивалентов образам насилия, которому подвергалось тело на войне или в концентрационных лагерях, никогда еще зрелища, объектом которых оно являлось, не производили такого переворота, как современные живопись, фотография и кино». Индивид, выдвинувшийся на первый план в эпоху Возрождения, обрел уникальное тело только в XX в. Все эти события, составляющие историю тела в XX в., являются достаточно разнообразными в том смысле, что они принадлежат к различным сферам жизни общества, прорывам в области науки и технологий. Важную роль в этой истории сыграло появление психоанализа [10]. И.С. Кон прослеживает трансформации, которые претерпело мужское тело в истории культуры, обсуждает те перемены, которые произошли с телесностью в XX в., когда тело из объекта, принадлежащего преимущественно области медицинского и биологического знания, превратилось в объект интереса социогуманитарных наук, на первый план вышла идея о том, что тело — это сложный социальный конструкт [9].

Тело — это арена функционирования социальных норм и ассоциированного с ними социального контроля [8]. Имеются основания говорить о существовании асимметрии социального контроля женского и мужского тела; исторически женское тело подвергалось более строгому контролю со стороны общества по сравнению с мужским [8; 16]. Анализ, предпринятый Н.Л. Пушкаревой, демонстрирует: чем выше социальный статус у женщины, тем более сильному социальному контролю подвергается ее тело [16].

Важным событием в истории тела в XX в. является возникновение и широкое распространение феминистских идей. Именно «...феминистки вновь включили тело в историю, высветив вопросы, которые ранее считались слишком вульгарными, тривиальными или рискованными, чтобы заслуживать серьезного внимания ученых» [45, с. 1]. Появившись в общественном дискурсе, эти идеи способствовали модификации социальных норм.

Развитие медицинского знания и технологий — важное событие в истории тела открыло перед человеком широкие возможности для вмешательства в сферы, которые раньше считались *сакральными*. Как отмечает А.М. Мулен, медицина в XX в. попыталась взять контроль над человеческим телом, в частности за счет проникновения в области, которые непосредственно не связаны с болезнью [14].

Не будет преувеличением, если скажем, что прогресс медицинского знания и развитие технологий позволили превратить сказки (о «молодильных яблоках и живой воде» или о «Дюймовочке») в быль. В современном мире у человека появился целый ряд возможностей исправить, улучшить, модифицировать свое тело, приблизив его к идеалу, активно транслируемому с помощью СМК. Словами А.М. Мулен, «Отныне мы можем сказать, что не существует мужского бесплодия, женщина может забеременеть после наступления менопаузы, отслужившие свое органы можно заменить, а гены, кажется, теперь находятся в нашем распоряжении» [14, с. 61].

Даже беглого взгляда на статистические данные Международного общества эстетической и пластической хирургии [35] достаточно для того, чтобы говорить о широком распространении пластических операций и нехирургических косметических процедур по всему миру. Среди самых востребованных женщинами хирургических вмешательств в 2020 г. являются [35]: увеличение объема груди, липосакция, хирургия век, абдоминопластика и ринопластика. В случае мужчин: хирургия век, липосакция, хирургия гинекомастии, ринопластика, хирургия уха. Косметические процедуры (нехирургического характера), востребованные женщинами за тот же период [35]: инъекции ботулотоксина, инъекции гиалуроновой кислоты, удаление волос, фотоомоложение, нехирургическое уменьшение жировой ткани. В случае мужчин (за исключением инверсии в последних двух позициях) имеет место аналогичная картина: инъекции ботулотоксина, инъекции гиалуроновой кислоты, удаление волос, нехирургическое уменьшение жировой ткани, фотоомоложение.

Пластическая хирургия возникла не в XX в. Первые попытки таких операций принадлежат к эпохе Древнего Египта (одна из первых операций была реализована для устранения травмы носа 3000 лет до н. э., что зафиксировано в хирургическом папирусе Эдвина Смита [49]). В эпоху Возрождения пластическая хирургия ассоциировалась с хирургией красоты, в XX в. этот способ изменения (исправления, улучшения) своего тела стал в большей степени доступным, благодаря прогрессу медицинского знания и технологий, приобрел коннотации с молодостью, красотой и успехом. Как следствие изменились представления о красоте, о теле, которое фрагментировалось через призму того, что можно из(за)менить. И хотя в статистике, упомянутой выше, присутствуют те случаи, когда обращение к пластической и эстетической хирургии обусловлено медицинскими причинами (в частности, это может касаться ринопла-

стики, хирургии гинекомастии), тем не менее эта причина не является доминирующей, о чем можно говорить на основе анализа востребованных процедур.

По мере того, как происходили события, обозначенные в истории тела, особенно в XX в., трансформировалось представление о теле, взгляды на него, социальные практики взаимодействия с телом. Если принять тезис В.В. Николаевой о том, что вся история человечества связана с появлением, широким распространением и исчезновением болезней, а также с борьбой общества за качество жизни человека [15], то представляется возможным уточнить это положение и добавить, что тело в этой борьбе оказывалось своего рода ареной, на которой разыгрывались самые драматические события.

Обнадеживающий прогресс медицины, правда, не оправдал ожиданий человечества, связанных с вопросами если не бессмертия, то серьезного увеличения продолжительности жизни без болезней. Эпидемия СПИДа, пандемия Covid-19 продемонстрировали не только то, насколько уязвим человек, но и то, что медицина еще не достигла уровня контроля над телом, к которому она поступательно продвигалась.

Наряду с этим, как отмечает А.М. Мулен [14, с. 60]: «Увеличение медицинского знания власти вызвало беспокойство, как в организациях, так и в обществе, стимулируя стремление к тому, чтобы индивид в большей степени участвовал в принятии решений, касающихся его тела». Отсюда — роль наивного, обыденного знания, на которое опирается индивид для принятия решений относительно собственного тела, становится особенно важной, а изучение особенностей этого знания — достаточно актуальным. Сложный и разнообразный дискурс о теле в сочетании с многообразием событий XX в. в истории тела, — все это оказывается тем самым материалом, который используется индивидом для построения обыденного знания.

Тело в фокусе внимания теории социальных представлений

С точки зрения Д. Жоделе, тело — это важный вопрос в психологии [36]. Даже при очень беглом взгляде на знания, полученные в различных отраслях психологии, можно убедиться в точности утверждения Д. Жоделе. Не претендуя на полноту и глубину анализа, скорее проиллюстрируем существующий интерес к телу в рамках психологии: соотношение психики и тела, самосознание, отношение к собственному телу, отношение к людям с татуировками, расстройство пищевого поведения, гендерная идентичность, объективация тела, влечения, эмоции, поведение в отношении здоровья, стереотипы, стигматизация, невербальная коммуникация, диагностика половой идентичности и полового самосознания, телесность и пр. [1; 4; 7; 19; 20; 32; 33].

Существует одна социально-психологическая теория, для которой тело является привилегированной темой изучения [36]. Речь идет о теории социальных представлений (СП), именно эта теория позволяет вскрыть «социальное в глубине индивида» [37, с. 212]; реальность тела, как отмечает Д. Жоделе, является одновременно социальной и субъективной. Эта теория давно известна читателю благодаря усилиям целого ряда отечественных исследователей; существует ряд монографий, в которых предлагается не только подробный анализ теории СП, но и ее оригинальное развитие [5; 6]. Можно сослаться и на отдельные тексты по теории СП [2; 3] и обратить внимание читателей на тематический выпуск журнала «Вестник РУДН», серия «Психология и педагогика», посвященный шестидесятилетию рождения теории СП (С. Московиси «Психоанализ: его образ и публика» (1961)) [38]. Сказанное выше позволяет нам в настоящей работе ограничиться обсуждением самых ключевых моментов теории, необходимых для понимания СП о теле.

СП — это: «...системы ценностей, идей и практик с двоякой функцией... во-первых, установить порядок, который позволит индивидам ориентироваться в своем материальном и социальном мирах и овладевать ими; во-вторых, обеспечить коммуникацию между членами сообщества, снабдив их кодом для социального обмена и кодом для присвоения имен и классификации различных аспектов их мира и их индивидуальной и групповой истории» [39, р. хiii]. СП социально создаются и используются. Существование СП подразумевает существование группы, которая вовлечена в обсуждение объекта СП (одной из главных характеристик объекта СП является его новизна, неизвестность, которая таит в себе угрозу, препятствует повседневной активности субъекта). Возникновение СП позволяет трансформировать странность объектов, помещая их в существующие рамки, делая пугающее понятным и привычным [40]. СП выполняют и некоторые другие функции, будь то регулирование социального поведения и оправдание социальных отношений или конструирование и управление социальной идентичностью.

Если обратиться к примерам объектов СП, которые приводят К. Фламан и М.-Л. Рукет [30] в качестве некоторой иллюстрации, то среди прочих классов объектов тело причисляется к категории «здоровье и социальная сфера» (другие объекты этого класса: здоровье и болезнь, гигиена, психическое благополучие и неблагополучие, СПИД, деятельность медицинских сестер, роды и пр.). Подчеркнем, что тело же является достаточно специфическим объектом СП по сравнению со всеми остальным в этой категории (даже если не обращаться к полному списку, включающему события и явления политического, экономического, образовательного, научного и пр. уровней). Объектом СП выступает некоторое полиморфное явление (событие, предмет и пр.), преимущественно внешнее по отношению к человеку; относительно этого объекта человек вовлечен в дискуссию с другими, порождая определенное понимание этого объекта. Размышления о теле едва ли возможны вне размышлений о собственном теле, вне отождествлений между *Я* и собственным телом. Кроме того, это достаточно «сензитивный» объект, связанный с сексуальностью, как следствие — с определенными социальными нормами, табу, определенными социальными практиками. Тело не мыслится вне связи с гендером (едва ли какой-то еще объект СП обладает такой спецификой, разве только здоровье).

Идея тематы, предложенная С. Московиси в рамках теории СП, где оппозиция мужчина—женщина сопряжена с разными качествами: мужчина=сила, женщина=красота [41], — видится уместной при обсуждении тела как объекта СП, поскольку эта старинная оппозиция, как отмечает С. Московиси, определяет используемые образы, языковые конструкции, поведение и связана с порождением соответствующих СП [41]. Интегрируя сказанное выше, сложность, полиморфность, многомерность и специфичность тела как объекта СП станет очевидной.

Анализ исследований СП о теле позволяет говорить о ряде вопросов, на которые попытались ответить авторы: особенности СП о теле в различных этнических и профессиональных группах; связь СП о теле с СП о здоровье, старении и СПИДе; гендерные особенности СП о теле; особенности СП о теле и питании у женщин после 75 лет, влияние социальной практики (физических упражнений) на СП о теле, образ тела в СМК [23; 24; 26; 27; 28; 31; 36; 46; 47; 48]. Обращает на себя внимание тот факт, что столь важный (если не прототипический) объект СП, не получил столько пристального внимания в рамках теории СП. Исследований достаточно мало (ряд исследований реализован преимущественно одной и той же исследовательской группой во главе с Б. Камарго [23; 24; 31; 46; 47]). Если здоровье и болезнь как объекты СП попали в фокус пристального внимания исследователей, о чем свидетельствуют ис-

следования [21; 29], то тело оказалось в стороне от магистральной линии интереса [29], эта тенденция сохраняется и ныне. Кроме того, обращает на себя внимание выборка в исследованиях: с одной стороны, это представители подростково-молодежной среды (преимущественно девушки (средний возраст варьирует от 21 до 23): именно так обстоит дело в работах Б. Камарго с коллегами, где выборку составляют студентки (N=278 человек) различных специальностей (психология, спорт, мода) [46] или представительницы подростково-молодежной среды (как это было в исследовании о связи СП о СПИДе, старении и теле, N=1118 человек) [24]; с другой стороны, это люди пенсионного возраста — мужчины и женщины в возрасте от 60 до 84 лет [47] или женщины в возрасте после 75 лет [26]. Интерес к этим группам можно усмотреть в ценности результатов с точки зрения формулирования рекомендаций профилактического толка. Однако для дальнейшего развития теории СП видится необходимость роста эмпирических исследований, где бы в фокусе внимания оказалось бы тело. В частности вопросы, касающиеся возникновения СП о теле пока оказываются открытыми. В целом, вопрос генезиса СП — это еще зона ближайшего развития теории СП, но все же попытки изучить генезис СП о здоровье и болезни предпринимались [4]. С опорой на тезис о том, что генезис СП имеет траекторию, сходную с траекторией развития ВПФ, то попытка исследования представлений детей о собственном теле в рамках психологии телесности, предпринятая О.Г. Мотовилиным [13], может рассматриваться как серьезное основание для построения предположений о генезисе СП о теле.

Тело является элементом СП о здоровье и болезни, что неоднократно демонстрировалось в исследованиях [2; 3; 22; 34; 47]). Подобно тому, как К. Эрзлиш утверждает, что трансформация СП о здоровье и болезни связана с прогрессом медицинских технологий [2], представляется возможным думать о трансформации СП о теле, связанной с развитием и широким распространением технологий в современном мире (особенно тех, которые направлены на коррекцию и изменение тела). И это соответствует рассмотренным выше идеям, сформулированным историками и антропологами, а также статистическим данным относительно пластической хирургии. В исследовании, посвященном СП о красоте, было выявлено, что возможность изменить свое тело посредством определенных хирургических вмешательств, чтобы соответствовать стандартам, нормализуется [27].

Позволим себе здесь сделать несколько комментариев о связи между красотой, здоровьем и телом, продемонстрированной в ряде исследований СП, о которых говорилось выше. Связь между здоровьем и телом может объясняться своего рода отражением нормативных требований общества: быть здоровым — значит, иметь здоровое тело. Нормативное давление, касающееся тела, его красоты, сильнее в случае женщин, чем в случае мужчин, что согласуется как с событиями из истории тела в XX в., так и с утверждением С. Московиси относительно соответствующей тематики в случае мужчин и женщин [41]. Связь между здоровьем и красотой также выглядит понятной: здоровье имеет положительные атрибуты, и красота — один из них (это болезнь портит и уродует тело, оставляет на нем свои следы) [2]. Наконец, красота также является нормативной характеристикой женского тела [41]. Отсюда неудивительно, что элементами, которые систематически присутствуют в СП о теле (и присутствуют в дискурсе СМК [30]), являются красота и здоровье [22; 23]. Эти элементы имеют достаточно устойчивую нормативную коннотацию. В этой связи представляется возможным говорить о том, что специфичность тела как объекта СП, его нормативность, и получена в исследованиях СП о теле. Исследователи, скорее всего, имеют дело с так называемым феноменом «скрытой зоны» [43], когда элементы СП скрыты, «замаскированы», что объясняется природой

объекта СП. Аналогичное может быть сказано и относительно результатов нашего исследования СП о теле в двух поколениях. Проиллюстрируем эту идею подробнее.

На первом этапе исследования по логике социодинамического подхода теории СП акцент был сделан на анализе информации (ее различных аспектах и нюансах — в частности, на используемой лексике), субъекты выступали носителями или пользователями этой информации. Выборку первого этапа исследования составили мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет (N=550: 435 женщин, 115 мужчин), выборка не была уравнена по полу и возрасту (с различным уровнем образования, родом занятий, семейным статусом, с различными социальными практиками (занятие спортом/нет, наличие/отсутствие модификаций тела)).

С помощью методики свободных ассоциаций (стимулы: «свое тело», «идеальное тело», «женское тело», «мужское тело», — с каждым из которых респондентам предлагалось выдать по 5 слов и словосочетаний, которые приходят в голову в ответ на слово-стимул) были выявлены высокочастотные характеристики, относительно каждого стимула, что позволило составить карту общих точек зрения [25]. Как и в исследованиях, обсуждаемых выше, среди высокочастотных характеристик оказались элементы «красота» и «здоровье». Среди других высокочастотных элементов были: спортивное, с накаченными мышцами, стройное, нежное, с хорошей кожей, сильное, любимое, худое, с округлыми формами и пр. На втором этапе в фокусе внимания был анализ социального позиционирования; задача заключалась в выявлении принципов, которые организуют различия в позициях индивидов (групп). Для разрешения этой задачи на основе полученных ассоциаций были сформулированы 25 биполярных шкал для оценки объектов «свое тело», «идеальное тело», «женское тело», «мужское тело» (на этом этапе был добавлен дополнительный объект «тело, которое Вы хотели бы иметь» - включение этого объекта объясняется необходимостью получения дополнительной информации, касающейся оценок объекта «свое тело», поскольку на первом этапе исследования в отношении своего тела декларировалось право на автономию в виде слогана «Мое тело — мое дело!»). Получены результаты на выборке представителей двух поколений (N= 301 человек, 200 женщин в возрасте от 18 до 62 лет и 101 мужчина в возрасте от 18 до 60 лет). Выборка не была уравнена по полу и возрасту. *Поколение молодых взрослых* (от 18 до 35) включало 167 женщин и 80 мужчин; *поколение старших взрослых* (от 36 до 62 лет) включало 33 женщины и 21 мужчину. Аргументы в пользу такого разбиения на возрастные группы восходят к анализу литературы по проблеме поколений [11; 17; 18] а также к логике, обнаруженной в исследовании, реализованном в рамках самой теории СП [42]. Как и на первом этапе исследования респонденты имели различный уровень образования, род занятий, семейный статус, различные социальные практики (занятие спортом/нет, наличие/отсутствие модификаций тела). В результате серий факторного анализа (ФА), который был выполнен по методу главных компонент с использованием метода ортогонального вращения-варимакс, были выявлены факторные структуры для четырех объектов (свое тело, идеальное тело, женское тело, мужское тело, тело, которое Вы хотели бы иметь) для мужчин и для женщин. Показатель КМО варьировал от 0,79 до 0,87; количество выделенных факторов — от 4 до 7, процент общей дисперсии, который объясняли эти факторы, — от 63,63 до 76,47. В целом, полученные результаты ФА говорят в пользу достаточно нормативного видения тела респондентами в группах мужчин и женщин: если тело мужчин отличает сила, наличие развитой мускулатуры, соответствие критериям маскулинности, то тело женщин отличает красота, гибкость, подвижность, активность. В случае женщин было замечено существование некоторого устойчивого образа (сочетание характеристик, которые образовывали отдельный фактор в каждом объекте: худое, узкое, маленькое, стройное — своего рода миниатюрность). В группе жен-

щин образ тела является более детализированным (6—7 факторов), чем в группе мужчин (4—5 факторов). Для сравнения позиций в двух поколениях был предпринят переход к «новым переменным» путем усреднения пунктов каждого фактора (решение о допустимости перехода к новым переменным принималось на основе значений показателя α Кронбаха (не менее 0,6), который выступал мерой оценки согласованности пунктов по шкале). В группе мужчин различия касались одного и того же фактора наличия модификаций тела в целом или татуировок — в частности. Различия между двумя поколениями в группе женщин отмечались преимущественно по идеальным объектам (идеальное тело и тело, которое Вы хотели бы иметь), поколение молодых женщин демонстрировало более позитивные оценки по факторам, касающимся активности, красоты, миниатюрности. Таким образом, результаты, полученные при реализации двух этапов исследования, сопоставимы с результатами, полученными другими исследователями, и позволяют говорить о том, что без использования специальных исследовательских приемов элементы, касающиеся тела, но наталкивающиеся на определенные табу, остаются «немыми». Сказанное выше предполагает использование специальных процедур [43] для того, чтобы вскрыть эти «немые» элементы в исследовании СП о теле. Это позволило бы приблизиться к пониманию СП о теле, с опорой на которые индивиды в современном мире принимают решения о социальных практиках в отношении собственного тела.

Заключение

В фокусе внимания в настоящей работе было обсуждение тела как объекта исследования в рамках теории СП. Анализ теории СП и результатов эмпирических исследований о теле, полученных в рамках этой теории, позволяет сделать достаточно парадоксальный вывод: с одной стороны, в рамках теории СП постулируется важность тела как объекта СП, привилегированность темы для теории СП [36]. С другой же стороны, исследований, в которых тело было бы объектом исследования, оказывается достаточно мало, полученные результаты свидетельствуют о нормативности СП о теле. И этот факт демонстрируется в различных исследованиях; сходные результаты были получены и в нашем исследовании, которое мы используем для иллюстрации, рассуждая о теле как объекте СП.

Будучи объектом СП, тело обладает специфическими характеристиками, отличающими его от всех других объектов СП; и в этом смысле многие положения теории СП, которые принимаются *по умолчанию*, требуют уточнений и проверки, в частности, это касается положения теории СП о социальной практике и СП. Существуют основания говорить о том, что в результатах имеющихся исследований СП о теле исследователи сталкиваются с так называемым феноменом «скрытой зоны» СП [43], когда элементы СП скрыты, «замаскированы», что объясняется спецификой объекта СП. Как следствие, необходимо использовать специальные методические процедуры для того, чтобы вскрыть эти «немые» элементы в исследовании СП о теле.

Сказанное выше и определяет направление последующих исследований, которые мы намереваемся предпринять.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. М.: Аспект пресс, 2017. 363 с.
2. Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс., 2007. 256 с.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., La-
vrreshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

3. Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Дани Л., Эм М.-А., Милёхин А.В., Гаямова С.Ю., Якушен-
ко А.В. Здоровье в представлениях детей и подростков [Электронный ресурс] // Эксперимен-
тальная психология. 2018. Том 11. № 1. С. 61–74. doi:10.17759/exppsy.2018110104
4. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диа-
гностики. М.: Флинта; Наука, 2011. 216 с.
5. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной
французской психологии. М.: Издательство МГУ, 1987. 128 с.
6. Емельянова Т.П. Социальные представления: история, теория и эмпирические исследо-
вания. М.: Издательство Института психологии, 2016. 476 с.
7. Ерохина Е.А., Филиппова Е.В. Образ тела и отношение к своему телу у подростков: се-
мейные и социокультурные факторы влияния (по материалам зарубежных исследований)
[Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 4. С. 57–68.
doi:10.17759/jmfp.2019080406
8. Кабакова Г.И., Конт Ф. От русской души к русскому телу // Тело в русской культуре.
Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 5–16.
9. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003. 432 с.
10. Куртин Ж.-Ж. Введение // История тела: В 3 т. Т. 3: Перемена взгляда: XX век // Под
ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С.
5–8.
11. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг обществен-
ного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
12. Ле Гофф Ж., Трюон Н. История тела в средние века. М.: Текст, 2008. 192 с.
13. Мотовилин О.Г. Развитие представлений о собственном теле у детей в условиях семьи и
интерната: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2001. 196 с.
14. Мулен А.-М. Тело с точки зрения медицины // История тела: В 3 т. Т. 3: Перемена взгля-
да: XX век // Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное
обозрение, 2016. С. 11–62.
15. Николаева В.В. Личность в условиях хронического соматического заболевания // Осо-
бенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Под ред.
Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой. М.: SvR-Аргус, 1995. С. 205–267.
16. Пушкарева Н.Л. Мед и млеко под языком у нее (женские и мужские уста в церковном и
светском дискурсах доиндустриальной России X — начала XIX в.) // Тело в русской культу-
ре / Сост. Г.И. Кабакова, Ф. Конт. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 78–101.
17. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование
(первая часть) [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 3. С. 30–
63. doi:10.19181/socjour.2020.26.3.7395
18. Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на
«своем поле» или на «ничьей земле»? [Электронный ресурс] // Социальная психология и об-
щество. 2019. Том 10. № 2. С. 9–18. doi:10.17759/sps.2019100202
19. Столин В.В. Самосознание личности. М.: Издательство Московского университета, 1983.
284 с.
20. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
21. Aim M.-A., Dany L., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. How Kids Understand Health and Ill-
ness: Some Reflections from and for the Theory of Social Representations // Cultural-Historical
Psychology. 2018. Vol. 14(1). P. 15–22. doi:10.17759/chp.2018140102

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бudyкин С.В.
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., La-
vrshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

22. Aim M.-A., Lelaurain S., Khatmi N., Fonte D., Bovina I., Dany L. 'Similar but different': Social representations of health according to gender for French youth // *Journal of Health Psychology*. 2018. Vol. 25(12). P. 1905–1916. doi:10.1177/1359105318781894
23. Camargo B.V., Goetz, E.R., Bousfield A. B. S., Justo A. M. Representações sociais do corpo: estética e saúde // *Temas em Psicologia*. 2011. Vol. 19(1). P. 257–268.
24. Camargo B.V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body // *Papers on Social Representations*. 2010. Vol. 19. P. 21.1–21.21.
25. Clémence A. Sens et analyse des différences dans les représentations sociales // *Méthodes d'étude des représentations sociales* / J.-C. Abric (Ed.). Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 165–178.
26. Costalat-Founeau A.M., Picot M.C., Hauchard D., Klimekova M., Favier F. Représentation du corps et de l'alimentation chez une population de femmes de plus de 75 ans // *Papers on Social Representations*. 2002. Vol. 11. P. 4.1–4.20.
27. de Rosa A.S., Holman A. Social representations of female-male beauty and aesthetic surgery: a cross-cultural analysis // *Temas em Psicologia*. 2011. Vol. 19(1). P. 75–98.
28. de Souza-Filho E.A., Beldarrain-Durandegui A. The contextual analysis in social representations of the body among ethnic groups in Rio de Janeiro, Brasil // *Universitas Psychologica*. 2009. Vol. 8(3). P. 771–783.
29. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis // *Papers on Social Representations*. 2011. Vol. 20. P. 11.1–11.19.
30. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
31. Goetz E.R., Camargo B.V., Bertoldo R.B., Justo A.M. Representação social do corpo na mídia impressa // *Psicologia & Sociedade*. 2008. Vol. 20(2). P. 226–236. doi:10.1590/S0102-71822008000200010
32. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. London: Routledge, 2018. 510 p.
33. Hawkes D., Senn C.Y., Thorn C. Factors that influence attitudes toward women with tattoos // *Sex Roles: A Journal of Research*. 2004. Vol. 50(9). P. 593–604. doi:10.1023/B:SERS.0000027564.83353.06
34. Herzlich C. *Health and illness: A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973. 198 p.
35. ISAPS International Survey on Aesthetic / Cosmetic procedures. 2020. Retrieved from <https://www.isaps.org/fr/> (Accessed: 20.09.2022).
36. Jodelet D. *Représentations sociales et mondes de vie*. Éditions des archives contemporaines. Paris, 2015. 372 p.
37. Jodelet D. The representation of the body and its transformations // *Social Representations* / R. Farr, S. Moscovici (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 211–238.
38. Moliner P., Bovina I.B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021. Vol. 18(2). P. 291–298. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
39. Moscovici S. Foreword // Herzlich C. *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973. P. 9–14.
40. Moscovici S. *La psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., La-
vrreshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

41. *Moscovici S., Vignaux G.* Le concept de thémata // Structures et transformations des représentations sociales / C. Guimelli (ed.). Paris: Delachaux et Niestlé, 1994. P. 26–72.
42. *Pozzi M., Fasanelli R., Marta E., Pistoni C., Ellena M.A., Virgilio G., Di T.* Social Representation of Family: A Comparative Study on Italian Young and Older Adults // *Journal of Family Issues*. 2022. Vol. 43(3). P. 752–768. doi:10.1177/0192513X21994160
43. *Rateau P., Lo Monaco G.* The Mute Zone of Social Representations and the Effects of (Un) Masking: Review and Prospects // *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2021. Vol. 18(2). P. 375–390. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-375-390
44. *Rulli T., Campbell S.* Can “My Body, My Choice” anti-vaxxers be pro-life? // *Bioethics*. 2022. Vol. 36(6). P. 708–714. doi:10.1111/bioe.13033
45. *Schiebinger L.* Introduction // *Feminism and the body* / L. Schiebinger (ed.). Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 1–24.
46. *Secchi K., Camargo B.V., Bertoldo R.B.* Percepção da Imagem Corporal e Representações Sociais do Corpo // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. 2009. Vol. 25(2). P. 229–236. doi:10.1590/s0102-37722009000200011
47. *Silveira A., Camargo B., Giacomozzi A.* Social Representations of the Body and Bodily Care Practices of Older Adults // *Psico-USF, Bragança Paulista*. 2021. Vol. 26(2). P. 279–290. doi:10.1590/1413-82712021260207
48. *Souza S.C.S.D., Ribeiro R.D., Polli G.M., Wanderbroocke A.C.* Social representations of the body and health for physically active and inactive individuals // *Trends in Psychology*. 2019. Vol. 27(4). P. 961–975. doi:10.9788/TP2019.4-10
49. *Yousef J., Leow S.K.H., Morrison W.* Plastic surgery in antiquity: an examination of ancient documents // *European Journal of Plastic Surgery*. 2021. Vol. 44(1). P. 419–428. doi:10.1007/s00238-020-01763-4

References

1. Andreeva G.M. *Sotsial'naya psikhologiya: Uchebnik*. Moscow: Aspekt press, 2017. 363 p. (In Russ.).
2. Bovina I.B. *Sotsial'naya psikhologiya zdorov'ya i bolezni*. Moscow: Aspekt press., 2007. 256 p. (In Russ.).
3. Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Dani L., Em M.-A., Milekhin A.V., Gayamova S.Yu., Yakushenko A.V. *Zdorov'e v predstavleniyakh detei i podrostkov* [Health representations of children and adolescents] [Elektronnyi resurs]. *Ekspierimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology*, 2018. Vol. 11, no. 1, pp. 61–74. doi:10.17759/exppsy.2018110104 (In Russ.).
4. Dvoryanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. *Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki*. Moscow: Flinta; Nauka, 2011. 216 p. (In Russ.).
5. Dontsov A.I., Emel'yanova T.P. *Kontseptsiya sotsial'nykh predstavlenii v sovremennoi frantsuzskoi psikhologii*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1987. 128 p. (In Russ.).
6. Emel'yanova T.P. *Sotsial'nye predstavleniya: istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta psikhologii, 2016. 476 p. (In Russ.).
7. Erokhina E.A., Filippova E.V. *Obraz tela i otnoshenie k svoemu telu u podrostkov: semeinye i sotsiokul'turnye faktory vliyaniya (po materialam zarubezhnykh issledovaniy)* [Body image and attitude to one's body in adolescent: family and sociocultural factors (based on foreign researches)] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2019. Vol. 8, no. 4, pp. 57–68. doi:10.17759/jmfp.2019080406 (In Russ.).

8. Kabakova G.I., Kont F. Ot russkoi dushi k russkomu telu. In G.I. Kabakova, F. Kont (eds.). *Telo v russkoi kul'ture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, pp. 5–16. (In Russ.).
9. Kon I.S. Muzhskoe telo v istorii kul'tury. Moscow: Slovo, 2003. 432 p. (In Russ.).
10. Courtine J.-J. Vvedenie. In A. Corbin, J.-J. Courtine, G. Vigarello (eds.). *Istoriya tela: V 3 t. T. 3: Peremena vzglyada: XX vek = Histoire du corps. Les mutations du regard le XXe siècle*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, pp. 5–8. (In Russ.).
11. Levada Yu.A. Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generations of the XXth century: opportunities for research]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2001, no. 5 (55), pp. 7–14. (In Russ.).
12. Le Goff J., Truong N. Istoriya tela v srednie veka [Une histoire du corps au Moyen Âge]. Moscow: Tekst, 2008. 192 p. (In Russ.).
13. Motovilin O.G. Razvitiye predstavlenii o sobstvennom tele u detei v usloviyakh sem'i i interna-ta: Diss. kand. psikholog. nauk. Moscow, 2001. 196 p. (In Russ.).
14. Moulin A.-M. Telo s tochki zreniya meditsiny. In A. Corbin, J.-J. Courtine, G. Vigarello (eds.). *Istoriya tela: V 3 t. T. 3: Peremena vzglyada: XX vek = Histoire du corps. Les mutations du regard le XXe siècle*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, pp. 11–62. (In Russ.).
15. Nikolaeva V.V. Lichnost' v usloviyakh khronicheskogo somaticheskogo zabolevaniya. In E.T. Sokolova, V.V. Nikolaeva. *Osobennosti lichnosti pri pogranichnykh rasstroistvakh i somaticheskikh zabolevaniyakh*. Moscow: SvR-Argus, 1995, pp. 205–267. (In Russ.).
16. Pushkareva N.L. Med i mleko pod yazykom u nee (zhenskie i muzhskie usta v tserkovnom i svetskom diskursakh doindustrial'noi Rossii X — nachala XIX v.). In G.I. Kabakova, F. Kont (eds.). *Telo v russkoi kul'ture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, pp. 78–101. (In Russ.).
17. Radaev V.V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie (per-vaya chast') [The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one)] [Elektronnyi resurs]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 2020. Vol. 26, no. 3, pp. 30–63. doi:10.19181/socjour.2020.26.3.7395 (In Russ.).
18. Rikel A.M. Pokolenie kak ob"ekt izucheniya sotsial'noi psikhologii: issledovanie na "svoem pole" ili na "nich'ei zemle"? [Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match?] [Elektronnyi resurs]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 2, pp. 9–18. doi:10.17759/sps.2019100202 (In Russ.).
19. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1983. 284 p. (In Russ.).
20. Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti. Moscow: Smysl, 2002. 287 p. (In Russ.).
21. Aim M.-A., Dany L., Dvoryanchikov N.V., Bovina I.B. How Kids Understand Health and Ill-ness: Some Reflections from and for the Theory of Social Representations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2018. Vol. 14, no. 1, pp. 15–22. doi:10.17759/chp.2018140102.
22. Aim M.-A., Lelaurain S., Khatmi N., Fonte D., Bovina I., Dany L. 'Similar but different': So-cial representations of health according to gender for French youth. *Journal of Health Psychology*, 2018. Vol. 25, no. 12, pp. 1905–1916. doi:10.1177/1359105318781894
23. Camargo B. V., Goetz, E. R., Bousfield A. B. S., Justo A. M. Representações sociais do corpo: estética e saúde. *Temas em Psicologia*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 257–268.
24. Camargo B. V., Wachelke J. The study of social representation systems: relationships involving representations on aging, AIDS and the body. *Papers on Social Representations*, 2010. Vol. 19, pp. 21.1–21.21.

25. Clémence A. Sens et analyse des différences dans les représentations sociales. In J.-C. Abric (ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003, pp. 165–178.
26. Costalat-Founeau A.M., Picot M. C., Hauchard D., Klimekova M., Favier F. Représentation du corps et de l'alimentation chez une population de femmes de plus de 75 ans. *Papers on Social Representations*, 2002. Vol. 11, pp. 4.1–4.20.
27. de Rosa A.S., Holman A. Social representations of female-male beauty and aesthetic surgery: a cross-cultural analysis. *Temas em Psicologia*, 2011. Vol. 19, no. 1, pp. 75–98.
28. de Souza-Filho E. A., Beldarrain-Durandegui A. The contextual analysis in social representations of the body among ethnic groups in Rio de Janeiro, Brasil. *Universitas Psychologica*, 2009. Vol 8, no. 3, pp. 771–783.
29. Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A. Social Representations in Psychology: A Bibliometrical Analysis. *Papers on Social Representations*, 2011. Vol. 20, pp. 11.1–11.19.
30. Flament C., Rouquette M.-L. Anatomie des idées ordinaires. Paris: Armand Colin, 2003. 256 p.
31. Goetz E. R., Camargo B. V., Bertoldo R. B., Justo A. M. Representação social do corpo na mídia impressa. *Psicologia & Sociedade*, 2008. Vol. 20, no. 2, pp. 226–236. doi:10.1590/S0102-71822008000200010
32. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The New Psychology of Health: Unlocking the Social Cure*. N.Y.: Routledge. 2018. 510 p.
33. Hawkes D., Senn C. Y., Thorn C. Factors that influence attitudes toward women with tattoos. *Sex Roles: A Journal of Research*, 2004. Vol. 50, no. 9, pp. 593–604. doi:10.1023/B:SERS.0000027564.83353.06
34. Herzlich C. *Health and illness: A social psychological analysis*. L.:Academic Press, 1973.198 p.
35. ISAPS International Survey on Aesthetic / Cosmetic procedures. 2020. Retrieved from <https://www.isaps.org/fr/> (Accessed: 20.09.2022).
36. Jodelet D. *Représentations sociales et mondes de vie*. Paris: Éditions des archives contemporaines, 2015.372 p.
37. Jodelet D. The representation of the body and its transformations. In R. Farr & S. Moscovici (eds.). *Social Representations*. Cambridge, Cambridge University Press,1984, pp. 211-238.
38. Moliner P., Bovina I.B. Introduction: The Heuristic Value of Social Representations Theory. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 291–298. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-291-298
39. Moscovici S. Foreword. In C. Herzlich. *Health and illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press, 1973, pp. 9–14.
40. Moscovici S. *La Psychanalyse: son image et son public*. Paris: Presses Universitaires de France, 1976. 652 p.
41. Moscovici S., Vignaux G. Le concept de thémata. In C. Guimelli (ed.). *Structures et transformations des représentations sociales*. Paris: Delachaux et Niestlé, 1994, pp. 26–72.
42. Pozzi M., Fasanelli R., Marta E., Pistoni C., Ellena M.A., Virgilio G., Di T. Social Representation of Family: A Comparative Study on Italian Young and Older Adults. *Journal of Family Issues*, 2022. Vol. 43, no. 3, pp. 752–768. doi:10.1177/0192513X21994160
43. Rateau P., Lo Monaco G. The Mute Zone of Social Representations and the Effects of (Un) Masking: Review and Prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2021. Vol. 18, no. 2, pp. 375–390. doi:10.22363/2313-1683-2021-18-2-375-390

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., La-
vreshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

44. Rulli T., Campbell S. Can “My Body, My Choice” anti-vaxxers be pro-life? *Bioethics*, 2022. Vol. 36, no. 6, pp. 708–714. doi:10.1111/bioe.13033.
45. Schiebinger L. Introduction. In L. Schiebinger (ed.). *Feminism and the body*. Oxford: Oxford University Press, 2000, pp. 1–24.
46. Secchi K., Camargo B.V., Bertoldo R.B. Percepção da Imagem Corporal e Representações Sociais do Corpo. *Psicologia: Teoria e Pesquisa*, 2009. Vol. 25, no. 2, pp. 229–236. doi:10.1590/s0102-37722009000200011
47. Silveira A., Camargo B., Giacomozzi A. Social Representations of the Body and Bodily Care Practices of Older Adults. *Psico-USF, Bragança Paulista*, 2021. Vol. 26, no. 2, pp. 279–290. doi:10.1590/1413-82712021260207
48. Souza S.C.S.D., Ribeiro R.D., Polli G.M., Wanderbroocke A.C. Social representations of the body and health for physically active and inactive individuals. *Trends in Psychology*, 2019. Vol. 27, no. 4, pp. 961–975. doi:10.9788/TP2019.4-10
49. Yousef J., Leow S.K.H., Morrison W. Plastic surgery in antiquity: an examination of ancient documents. *European Journal of Plastic Surgery*, 2021. Vol. 44, no. 1, pp. 419–428. doi:10.1007/s00238-020-01763-4

Информация об авторах

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Мельникова Дарья Вячеславовна, преподаватель, кафедра клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Лаврешкин Никита Владимирович, психолог, заместитель декана по внеучебной работе, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Будыкин Сергей Владимирович, начальник отдела по организации приема, ответственный секретарь приемной комиссии, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики дистанционного обучения факультета «Дистанционное обучение», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

Information about the authors

Inna B. Bovina, Doctor of Psychology, Docent, Professor, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

*Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В.,
Лаврешкин Н.В., Бudyкин С.В.*
Тело: с позиции теории социальных представлений
Психология и право. 2023. Том 13. № 1. С. 191–206.

Bovina I.B., Dvoryanchikov N.V., Melnikova D.V., Lavreshkin N.V., Budykin S.V.
Body: Social-Representational Regard
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 1, pp. 191–206.

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Docent, Dean, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Darya V. Melnikova, Lecturer, Department of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>, e-mail: melnikovadv@mgppu.ru

Nikita V. Lavreshkin, Psychologist, Deputy Head, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5556-2057>, e-mail: lavreshkinnv@gmail.com

Sergey V. Budykin, Head, Admission Office, Senior Lecturer, Department of Psychology and Pedagogy of Distance Learning, Faculty of Distance Learning, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5226-1958>, e-mail: moscow858@yandex.ru

Получена 09.09.2022
Принята в печать 09.12.2022

Received 09.09.2022
Accepted 09.12.2022